

ПРОЛОГ

Италия, лето 2016 года

Это был один и тот же сон, она всегда предчувствовала его приход. В полной темноте вдруг появлялся луч света, становясь все ярче и ярче. Озаряя все вокруг, он делал мир реальнее, чем наяву. Боясь взглянуть на него, но еще больше боясь противостоять его зову, зная, что делает шаг в пропасть, она безвольно шагала навстречу, раскинув руки. А уже через миг, счастливая и позабывшая обо всем, она касалась губами его макушки, мягкой кожи, вдыхала запах. Даже по прошествии стольких лет, находясь по ту сторону сознания, она отчетливо помнила эти ощущения. Воспоминания о прикосновении к его волосам, тепле его тела хранились в ее памяти, несмотря на все потрясения, которые она вынесла.

Она предчувствовала и конец сна. Напрасно он обращался к ней, напрасно звал.

Не покидай меня. Иди со мной. Я жду тебя.

Я буду с тобой. Мы снова будем вместе.

Холодная неподвижная вода блестела серебром. Это было молчаливое приглашение.

Пойдем со мной...

Я жду тебя...

* * *

Женщина просыпается резко, как от толчка. Смятая постель пропитана потом. Ей требуется время, чтобы выбраться из-под толщи воды и набрать в легкие воздуха.

Адалина, горничная, входит, чтобы открыть ставни и впустить в комнату свет нового дня.

— Так-то лучше, синьора. Как вам спалось?

Горничная проворно ставит поднос с завтраком, взбивает подушки и поправляет простыни. Таблетки всех цветов радуги

разложены на подносе подобно конфетам, как будто от этого она может захотеть принять их добровольно.

Женщина кашляет. Тяжело, будто в горле у нее ком.

На носовом платке кровь, яркие мелкие брызги, худшее из предзнаменований. Конец близок. Она сжимает платок в кулаке. Адалина делает вид, что не заметила.

— Я... — В душе женщины пустота; распухший язык едва ворочается во рту. — Открой окно, — говорит она наконец.

В комнату проникают солнечные лучи. Взгляду открываются вершины кипарисов за окном, как двенадцать указующих перстов, поднятых в небо. Раньше она думала, он там, в покое и праздности, но теперь уверена: это не так. Он не в раю и не на небесах. Он даже не в земле. Он внутри нее. Зовет ее и ждет.

Тишина. Тепло. Пение птиц. Она слышит запах цветущего сада, представляет себе набухшие бутоны роз, что плетутся по аркам, розовые и душистые, лаванду и шнитт-лук, белыми и лиловыми пятнами пестреющие то тут, то там у высоких известняковых стен. Как неслышно природа прокрадывается в комнату! Как легко она, быстрая и переменчивая, зовет наружу. Вот бы ей тоже сделать один шаг вперед, просто встать и поставить одну ногу впереди другой, — этого достаточно, сказал доктор. Как и комнаты, в которые давно никто не входил, ее крылья покрылись пылью за это время, став слишком тяжелыми.

«Такой красивый дом, — шептались в деревне, в городе, да и по обе стороны океана, насколько ей было известно, — настоящая трагедия, что она в таком состоянии. Хотя этого стоило ожидать после... ну, вы знаете».

— Девушка приедет в полдень. — Адалина с шумом сгребает таблетки в пластиковую коробку, одновременно наливая чай. — Я узнала в аэропорту, рейс прибывает без задержек. Вы сможете встретиться с ней? Уверена, ей бы очень этого хотелось.

Женщина отводит взгляд. Она смотрит на свои бледные, как у покойника, руки, лежащие поверх покрывала. В них сжат окровавленный платок, страшная разгадка ужасного секрета. Тонкие запястья, состриженные ногти — эти руки не выглядят молодыми.

Когда я успела постареть?

Она качает головой и произносит:

— Я останусь в кровати. Не хочу, чтобы меня беспокоили. Вы поможете ей устроиться, не сомневаюсь.

— Хорошо, синьора.

Она глотает пилюли. Адалина уходит, ее лицо выражает уважение. Нет нужды показывать настоящие чувства, да они и не имеют значения. Пусть будут разочарованы. Пусть скажут: *«Могла бы и напрячься, девчонка проделала долгий путь»*. Пусть думают что хотят. Только ей известно, насколько это невыполнимо.

Да и не нужна ей здесь эта девчонка и никогда не была нужна. Прислуга знает слишком много, задает слишком много вопросов, как будто совать свой нос в чужие дела — их работа.

Но разве у нее есть выбор? Адалина не успевает, замок просто огромен. В одиночку ей не справиться.

Но в этот раз она имеет право не говорить правду. Никто до нее не доберется.

Таблетки начинают действовать, она прикрывает глаза и погружается в дремоту. Сквозь сон она снова слышит его голос. Он зовет ее из воды, в которую садится оранжевое солнце.

Пойдем со мной. Я буду с тобой. Я жду.

И она, раскрыв объятия, падает.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Лондон, месяцем ранее

Говорят, невозможно снова полюбить так, как в первый раз. Наверное, ваше сердце безвозвратно изменяется. Возможно, вы утрачиваете остроту ощущений. Или становитесь мудрее. Понимаете, что игра не стоит свеч. Вы знаете, что такое боль и как защитить себя от нее.

В этом можно найти утешение, думаю я, пробираясь сквозь толпу в метро, — жители пригорода, мученики часа пик, уткнувшиеся в свои телефоны, туристы, чуть что сверяющиеся с картой и замирающие в ужасе при виде автоматов с билетами, целующиеся на эскалаторе парочки — я уверена: что бы ни случилось и где бы я ни оказалась, мне не придется пережить это вновь. В едином порыве толпа вываливается с Северной линии¹ на поверхность, где шумный город сверкает огнями и красками. Обгоняю компанию девушек, ищущих ночных развлечений. Кажется, мы с ними примерно одного возраста — под тридцать, и все же между нами пропасть. Смотрю на них, будто через плотное стекло, вспоминая времена, когда я была такой же ветреной и наивной, думая, как это — стоять в самом начале пути, еще не совершив серьезных ошибок, во всяком случае, таких непоправимых, как моя.

Что мне нравится в Лондоне, так это возможность раствориться в толпе. Так много людей, так много жизней. Ирония состоит в том, что я-то явилась сюда, чтобы быть замеченной, стать кем-то. Но стала невидимкой. И мне будет очень этого не хватать, когда все откроется. Я буду вспоминать это как бесценный дар, который, однажды утратив, уже не вернешь.

Я сажусь в автобус и наблюдаю, как улицы погружаются в темноту. Парень в очках, сидящий напротив, читает «Метро»²;

заголовок на первой полосе гласит: «ПРЕСТУПНИК ПОЙМАН: КОПЫ ЗАДЕРЖАЛИ ГАРАЖНОГО УБИЙЦУ». Я вздрагиваю. Интересно, выделяют ли место сообщению обо мне? Что напишут? Так и вижу мое доброе имя — Люси Уиттекер, написанное округлым понятным почерком, под домашними заданиями, благодарственными письмами и поздравительными открытками друзьям, — в некрологе, внушающем страх и трепет. Знакомые будут говорить: «Это же не *та самая* Люси Уиттекер? Но она слишком тихая и скромная, чтобы совершить нечто подобное...»

Но я, кажется, совершила. Совершила нечто подобное.

Мы подъезжаем к моей остановке, и я выхожу в темноту. Поднимается ветер, я плотнее закутываюсь в пальто. Гляжу себе под ноги, зажав под мышкой пластиковую коробку.

Звонит телефон, я думаю: «Вдруг это он?!» — и презираю себя за поспешность, с которой опускаю дрожащую руку в карман, и за надежду, которая, впрочем, быстро улечучивается. Это не он. Это Билл, моя соседка по квартире. На самом деле ее зовут Белинда, но это имя ей никогда не нравилось.

Когда будешь дома? У меня есть вино. Чмоки.

Я почти на месте, и отвечать нет смысла. Замедляю шаг. Каждый раз, открывая сообщения, я не перечитываю нашу с ним переписку. Эти волнующие беседы длились ночами, и каждый раз, когда около двух экран загорался, мое сердце замирало. Стоило бы удалить их, но рука не поднимается. Кажется, что, стерев их, я уничтожу доказательство того, что это вообще было со мной. Что до всего плохого было хорошее. Ведь было же, раньше. Было очень хорошо. И это стало причиной всего происшедшего...

Не будь идиоткой. Нет никакой причины. И нет оправдания тому, что ты сделала.

И конечно, он не напишет. Никогда не напишет. Все кончено.

Сворачиваю на нашу улицу, открываю парадную дверь. Билл так и не привыкла сортировать почту, и потому я сгребая разбросанные по полу конверты и раскладываю их по номерам